

УДК 101.1:316

ББК 87.6

Ч 49

И.Б. Чернова,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79615362344, e-mail: chibor@bk.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи психологических и социокультурных факторов идентификации личности. Осмысление групповой идентичности строится через сопоставление проявлений «Я-фактора», «Мы-фактора», «Они-фактора», при этом доказывается их принципиальная взаимосвязь. В итоге автор предлагает собственное видение форм групповой идентификации в зависимости от степени приятия идеологемы и членов той или иной группы, подчеркивает гуманистическую ценность и необходимость обеспечения свободы идентификационного выбора для личности.

Ключевые слова: личность, идентичность, социальная группа, идентификационный выбор, индивидуальная идентичность, групповая идентичность.

I.B. Chernova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University; tel.: +7(961)5362344, e-mail: chibor@bk.ru

CONCEPTUAL FOUNDATIONS TO STUDY IDENTITY

Abstract. The author of this paper compares the existing methods, develops them and justifies the need for a holistic analysis of the sociocultural and psychological factors of identification of personality. The author elaborates the content of “I-factor,” “We-factor” and “They-factor” identity, shows their relationship and offers their own forms of identical gradation depending on person, making the identification matrix and representatives of a group as their “own”. It is emphasized that at the first identification stage the most important is affective component, then cognitive and connotative. As a result, the author underlines the humanistic value and the need to ensure freedom of identification choice at the state level.

Keywords: personality, identity, social group, identification choice, individual identity, group identity.

Каждый кризисный период развития социума характеризуется не только структурными изменениями и модернизацией всех сфер социальной жизни, но также формированием новых или преобразованием уже сложившихся в сознании членов общества идентичностей. После

воссоединения Крыма с Россией и на фоне развернувшейся в соседней Украине братоубийственной войны актуальность исследования идентификационных процессов в сознании россиян обретает новую силу и значимость для понимания происходящих в нашей стране

политических и социокультурных процессов. Свой вклад в исследование данной проблематики вносят философы, социологи, психологи и другие специалисты, концентрирующие своё внимание на анализе отдельных форм идентичности, её сущности, взаимосвязи с другими проявлениями развития личности.

В контексте нашего исследования особую ценность имеют работы философов, психологов и социологов, в которых сформулированы представления об основных характеристиках процесса идентификации личности, его движущих силах и последствиях для конкретного человека, социальной группы и общества в целом. При этом психологи акцентируют внимание на исследовании личностной идентичности, рассматриваемой в контексте исследования самосознания личности, «Я-концепции», влияния идентификации на психическое здоровье человека и на его социальную и творческую активность. Так, З. Фрейд, Э. Фромм, К.-Г. Юнг, У. Джемс, А. Маслоу, Э. Эриксон и др. исследовали возрастные и социально-психологические особенности формирования идентичности личности [1], а Е.Н. Волков, В.В. Целикова, С. Хассен и др. обращают внимание преимущественно на деструктивные последствия для психики личности при идентификации с экстремистскими и тоталитарными группами [2].

В социологических концепциях идентичности подчеркивается необходимость «другого» или даже «чужого», в сравнении с которым наиболее отчетливо проявляются собственные характеристики личности и особенности группы, с которой происходит идентификация. Здесь можно выделить работы Б. Андерсона, Дж. Мида, Г. Блумера, Ч. Кули, Г. Теджфелла, В.А. Ядова и др. [3].

Наша задача – обобщив их выводы, построить целостную концепцию идентификации личности,

в которой были бы отражены как психологические, так и социокультурные факторы её формирования и развития.

Идентичность как характеристика личности формируется в системе взаимоотношений «Я и «Другого», индивида и общества. Она предполагает гармоничное диалектически развивающееся единство двух взаимосвязанных аспектов: а) индивидуальной (личностной) идентичности, понимаемой как аутентичность, как тождество человека самому себе, сохраняемое на протяжении всей его жизни независимо от особенностей конкретных ситуаций и социального окружения, подразумевающее принятие собственной судьбы как единства прошлого, настоящего и будущего; б) групповая идентичность личности, понимаемая как тождество человека с той или иной социальной группой. Оба указанных аспекта составляют «Я-концепцию» личности, необходимы для её полноценного развития, дополняют друг друга, могут быть осознаваемыми или неосознаваемыми. В данной работе мы сосредоточим внимание на анализе социальной идентичности.

На примере анализа религиозной идентичности задачу формирования универсальной методологической модели исследования идентичности решает Ж.Т. Тощенко. Данный автор предлагает строить работу через осмысление трех факторов. Он пишет: «Во-первых, нужно, чтобы человек сам считал себя частью общества, и не «в душе», а показывая это («Я»-фактор). Во-вторых, чтобы общество было с этим согласно и демонстрировало это согласие не на словах, а на деле («Мы»-фактор). И, в-третьих, чтобы это признавали посторонние – то есть всякие «третьи лица» («Они»-фактор)» [4]. Эта методика, действительно, хорошо работает при анализе социальной идентификации личности в стабильно функционирующем обществе, на её основе можно строить

эффективные программы социологических исследований, особенно в отношении небольших социальных групп или же примордиальных сообществ. Она дает нам видение «идеальной» идентичности, которая, однако, в социумах, переживающих периоды радикального социокультурного изменения, каким является в последние десятилетия и российское общество, встречается крайне редко. На это обращает внимание и сам Ж.Т. Тощенко, когда пишет, что религиозная идентичность «в настоящее время формируется и функционирует достаточно противоречиво», что «наступили времена, которые ставят под сомнение качество религиозной идентичности» [4]. Даже в воцерковленной среде существуют многочисленные примеры мировоззренческих споров, приводящих порой к ситуации «свой среди чужих, чужой среди своих», причем личность, сознательно идущая на противостояние группе, тем не менее, искренне себя с ней ассоциирует, что выражается в её социальной активности и самооценке. Если ограничить ту же религиозную идентичность проявлениями, проверяемыми через предложенные факторы, то вне возможности оценки окажутся, к примеру, те её виды, которые определяются как множественная религиозная идентичность, которая формируется при сознательном поиске человеком религиозного идеала и в итоге объединяющая мировоззренческие идеи тех или иных конфессий. Разрыв с многовековой религиозной традицией для многих россиян как раз и стал одним из условий формирования такой идентичности. «Можно полагать, — пишет Ж. Тощенко, — что в новом столетии вопросы собственно веры и неверия будут решаться не под влиянием моды, а естественным путем, и станут делом свободного и осознанного выбора» [4]. Также возможны затруднения с анализом «Мы-фактора» в отношении

идентификации в традиционных конфессиях, так как они представляют собой разновидность «символических» сообществ. Об этом также пишет Ж.Т. Тощенко: «Осложняет вывод о религиозной идентичности такая существенная, выявленная социологами особенность: число людей, заявляющих о своей конфессиональной принадлежности, оказывается существенно больше тех, кто относит себя к верующим» [4].

Таким образом, мы полагаем, что для подробного анализа идентичности во всех её проявлениях данная методика требует уточнения. Мы переосмыслили содержание предложенных Ж.Т. Тощенко факторов и пришли к выводу, что при построении целостной концепции идентичности их следует рассматривать следующим образом:

Особенности субъекта идентификации: развитость индивидуальной идентификации, мотивация личности и уже имеющийся жизненный опыт, а также возможность гармоничного сосуществования в рамках единой личности новой идентичности с уже имеющимися у данного субъекта.

Особенности группы как объекта идентификации: размер группы, её мировоззренческие или культурные основания, наличие или отсутствие для субъекта свободы выбора при идентификации с данной группой, способность группы удовлетворять социальные и психологические потребности данного индивида, формы взаимосвязи членов группы с лидером, между собой и с представителями других групп, воспринимаемых как дружественные или враждебные.

Особенности социального окружения: конкретная социокультурная, политическая и экономическая ситуации, в которых происходит процесс идентификации.

В данном случае мы не просто отвечаем на вопрос, принимает субъект некую группу как свою или

нет, но и исследуем совокупность характеристик личности, влияющих на это решение.

Для более подробного анализа процесса идентификации на уровне «Я-фактора» большую ценность имеет используемая психологами система исследования, включающая в себя когнитивный, аффективный и конативный аспекты. Содержанием когнитивной составляющей является обретение и осмысление информации, касающейся объекта идентификации. Аффективный аспект отражает эмоциональную реакцию субъекта на объект идентификации, переживание личностью своей связи с ним. В зависимости от характера (направленности) этих переживаний можно говорить о позитивной и негативной идентификации. Конативный аспект включает в себя всё многообразие поведенческих «плодов» идентификации. Данные аспекты взаимосвязаны и могут быть адекватно оценены только в единстве своих проявлений. Универсальной модели идентификации не существует. Однако, как правило, изначально наиболее значимым является аффективный момент, пробуждающий интеллектуальную активность, результаты которой, в свою очередь, отражаются в поведении субъекта.

Исследование аффективного аспекта идентификации вызывает определенные затруднения, так как эмоции и чувства могут быть неосознаваемыми и неявными, динамичными и разнообразными в нюансах проявлений, амбивалентными и деструктивными. Тем не менее, это необходимая характеристика как процесса, так и результата идентификации. «Ощущение счастья, которое дается верой, начинает служить для человека доказательством истинности самой веры», – отмечал У. Джемс [5].

Неформальное молодежное объединение может привлекать к себе внимание потенциальных членов не только оригинальными или вовсе

радикальными идеями, но и своей эпатажирующей символикой, загадочной ритуальной практикой, особой эмоциональной связью, существующей между членами данной группы, яркой и авторитетной, порой харизматичной личностью её лидера. Девушка, равнодушная изначально к футболу, может прийти в соответствующую фанатскую группу, чтобы быть рядом с юношей, который ей симпатичен и при этом является футболистом или заядлым болельщиком. Действительно, в идентификации с малой, контактной группой особое значение имеет аффективная составляющая, характеризующая межличностные отношения внутри данной группы, которая служит удовлетворению социально-психологических потребностей субъекта в любви, понимании, признании, эмоциональной поддержке со стороны окружающих людей, которая дает ему, с одной стороны, ощущение защищенности от внешних угроз, а с другой – ощущение значимости и востребованности. Наиболее отчетливо групповая солидарность проявляется и всегда усиливается в процессе совместной, особенно ритуальной, деятельности, а также в противостоянии конкурирующим объединениям. При этом на второй план часто уходят любые теоретические конструкции и идеологические установки.

Как правило, большие группы имеют более или менее сложную структуру, которая включает в себя ряд небольших групп: первичных ячеек, приходов и т.п. Именно их деятельность и их конкретные представители непосредственно оказывают влияние на любого члена общества, в том числе и на субъекта, делающего идентификационный выбор. Причем, чем ближе нам эти люди по своим взглядам на жизнь и другим идентичностям, чем больше их действия соответствуют нашим ожиданиям и запросам, чем сильнее наша эмоциональная реакция

на их действия, тем выше вероятность идентификации со всех группой, независимо от её реального размера. Поэтому аффективные основания идентификации никогда не теряют свою силу.

Обращая внимание на особенности внутригрупповой эмоциональной связи, З. Фрейд, на примере анализа групповых особенностей армии и церкви, делает заключение, «что в этих двух искусственных массах каждый отдельный человек либидинозно связан, с одной стороны, с вождем, а с другой стороны, с другими массовыми индивидами» [6; 303]. Вывод З. Фрейда может быть распространен и на другие виды групп. В любом случае либидинозный тип связи способствует усилению аффективности и суггестивности групп независимо от их размера и от характера их идеологии.

В большинстве случаев идентификация предполагает возможность выбора. Каждый человек, активно взаимодействующий с другими членами общества, постоянно оказывается в поле влияния многочисленных групп разного типа (профессиональных, религиозных, общественно-политических, культурных и пр.), с которыми он, при желании, может себя идентифицировать. Выбор осуществляется из имеющегося разнообразия групп и на основе принятия «как своих» конкретных членов этих групп. Выбирая некую группу как свою, субъект тем самым, в идеале, должен признать своими членов данной группы, а также «идентификационную матрицу», включающую в себя идеологическую основу, систему ритуалов и символов, которые их объединяют. При этом ему важно найти свое место в групповой иерархии, признавать существующие в группе авторитеты, действовать в соответствии с общими целями. Так, членство в политической партии предполагает необходимость следования партийной дисциплине,

участие в осуществлении партийных программ, убежденность в верности партийных целей, высокую оценку лидерских качеств руководителей партии и их безусловную поддержку на выборах во все уровни властных структур.

Очевидно, что реальный процесс идентификации чаще всего далек от идеала. В тех же политических партиях общеизвестны примеры внутрипартийных конфликтов, интриг, клановых противостояний. Особенно показателен пример Коммунистической партии советских времен, мотивом вступления в ряды которой могли быть не только идейная убежденность в верности марксизма-ленинизма, но и корыстные цели или же стремление к карьерному росту. При этом возможности внутрипартийной дискуссии по актуальным проблемам экономического и политического развития страны были ограничены условиями тоталитарного социального устройства, а участие в партсобраниях, политинформациях, субботниках и других партийных мероприятиях большинством членов рассматривалось как формальность и даже «обременительная обязательность».

В рамках единой личности существуют различные групповые идентичности, каждая из которых привносит в характеристику субъекта свои черты. Они обуславливают развитие друг друга и возможный спектр будущих идентификаций, могут быть совместимыми или несовместимыми. Идентичности, которые содержат исключаящие друг друга качества, принципиально не совместимы между собой. Совместимые идентичности не только дополняют, но часто и корректируют друг друга. Поэтому, чтобы понять их специфику и особенности их проявления, необходимо учитывать сложившееся единство. Этническая идентичность будет оказывать влияние на гендерную, формируя не просто

осознание человеком своей отнесенности к мужскому или женскому полу, но и, в соответствии со стереотипами, заданными этнической идентичностью, представление о качествах, необходимых субъекту как представителю своего пола и своего этноса. Среди характеристик кавказского мужчины такие качества, как способность защитить свою семью и свою землю, будут представляться более значимыми и необходимыми, чем владение гончарным ремеслом, умение ориентироваться в море по звездам, владение точными науками и т.п. Аналогично, мужчина, идентифицирующий себя как христианин, в отличие от мусульманина, не может быть мужем более чем одной женщины, но может сознательно избрать для себя монашество как дополнительную идентификацию. Для женщин во многих религиях не предусмотрена возможность идентификации с ролью священнослужителя, для священнослужителя – с ролью военнослужащего, для военнослужащего – с ролью бизнесмена.

Побуждением к проявлению индивидуальной стороны идентичности всегда является некая социальная ситуация, выполняющая роль своеобразного «зеркала» для индивида, в котором выявляются те или иные качества личности. Находясь в определенном социальном окружении, мы, чаще интуитивно, принимаем его или не принимаем, чувствуем себя комфортно либо как «не в своей тарелке». Таким образом, индивидуальная идентичность выполняет роль важного критерия групповой идентификации. Особенно отчетливо это видно в случаях, когда групповая идентификация навязана субъекту извне или она налагает на человека неприемлемые для его самосознания требования, вынуждая его «наступать на горло собственной песне». К примеру – выбор молодым человеком профессии, соответствующей амбициям родителей

и не соответствующей его личным склонностям. В итоге весьма вероятно возникновение ситуации наличия идентичности при отсутствии аутентичности, когда человек чувствует себя своим среди чужих людей и чужим среди якобы своих.

Внутриличностный конфликт при этом может иметь несколько вариантов развития. Личность, обладающая сильно развитой или, по крайней мере, устойчивой индивидуальной идентичностью, рано или поздно пересмотрит тяготящий её выбор и будет двигаться по пути, приемлемому для собственного самоощущения и самоуважения. Возможно также восстановление гармоничного единства идентичности личности в случае, когда в процессе адаптации к новой группе, изначально воспринимаемой как чуждая, индивидууму удаётся найти в ней своё место, проникнуться её идеалами, почувствовать поддержку со стороны её членов, свою значимость для этой группы и, в результате, сознательно признать её своей. Так, среди некоторых кавказских этносов до сих пор решение о создании молодой семьи принимается не самими юношей и девушкой, а их родителями. Причем, будущие муж и жена могут в этот момент даже не знать друг друга. Тем не менее, переживая вместе радости и горести семейной жизни, они в дальнейшем могут стать действительно крепкой и счастливой семьей. Если же самосознание субъекта развито достаточно слабо или же если возможностей гармоничной адаптации, выхода из чуждой группы, приобщения к группе, «близкой по духу», просто нет, дисгармония идентичности пронизывает всю дальнейшую жизнь человека, разрушая его представления о счастье, смысле жизни и о самом себе.

Идентификация с примордиальными группами, по сути, не допускает возможности выбора. С первых лет жизни ребенок начинает осознавать себя как представитель

мужского или женского пола, воспринимает мир сквозь призму культуры своего этноса, традиций (в том числе – и религиозных) родительской семьи, социального слоя, к которому эта семья принадлежит, государственных устоев и правовых норм своей страны. Даже сироты, брошенные на попечение государства нерадивыми родителями, рано или поздно задумываются о своем происхождении, хотят знать хоть что-то о своей несостоявшейся семье. Осознавая единство с другими людьми, живущими на одной территории – в одном селе, городе, регионе, узнавая историю своей родины, участвуя в происходящих здесь событиях, человек проникается духом патриотизма и ощущает ответственность за будущее этой земли. Потребность человека в идентификации с примордиальными группами образно выразил А.С. Пушкин в стихотворении 1830 года:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самосознание человека,
Залог величия его [7].*

Примеры пересмотра примордиальных идентичностей существуют. Но и они, будучи исключениями, только подтверждают правило. Человек может отказаться от своей семьи, разорвать все связи со своим этносом, переехать из деревни в мегаполис или из одной страны в другую, даже сделать операцию по смене пола. Однако известно, что проще вывезти девушку из деревни, чем деревню из девушки. Как неотъемлемая, хоть и не выбранная свободно, часть жизненного опыта, воспринятая с «молоком матери», любая примордиальная идентичность на протяжении всей жизни оказывает влияние на личность субъекта, на его поведение, отношение к миру, на формирование системы духовности.

Таким образом, мы полагаем, что, учитывая результаты индивидуального выбора субъекта идентичности («Я-фактор»), можно выделить следующие варианты состояния групповой идентификации:

1) принятие как «своей» какой-либо группы, полностью или частично, с её идеологией при толерантности к другим группам того же типа и их идеологемам;

2) принятие как «своей» какой-либо группы, полностью или частично, с её идеологией при неприятии других групп того же типа и их идеологием (осознанно или фанатично);

3) принятие как «своей» идеологии группы без принятия её конкретных представителей;

4) принятие как «своих» конкретных представителей группы без погружения в её идейную базу;

5) конструирование собственных убеждений на основе идеологием разных групп одного типа при явном преимуществе одной – в ритуальной практике и символическом воплощении;

6) конструирование собственных убеждений на основе идеологием разных групп одного типа без стремления войти в ритуальное общение с отдельной группой.

Определенные уточнения схемы исследования Ж. Тощенко требуются и на уровне действия «Мы-фактора» и «Они-фактора». Так, далеко не каждый медик, даже имеющий диплом врача, в кругу коллег признается «настоящим» врачом, а некоторые и вовсе имеют репутацию шарлатанов. Аналогичная ситуация возможна в артистической, научной среде и т.п. Однако, как мы полагаем, признание индивида другими людьми членом их группы важный, но не обязательный фактор идентификации. Подобная негативная оценка вовсе не обязательно является препятствием личности для идентификации. Напротив, история знает немало примеров научных революций, когда один лишь

автор казавшейся всем безумной идеи был в действительности прав, примеров гениев, непризнанных современниками, даже преследуемых, но прославленных потомками. А.С. Пушкин в стихотворении «Поэту» писал:

*Всех строже оценить умеешь ты
свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный
художник?
Доволен? Так пускай толпа его
бранит [8].*

Впрочем, и мнимая идентичность, не имеющая под собой иных оснований, кроме субъективной уверенности личности, может быть действенной и, рано или поздно, преобразоваться в подлинную.

Ограниченность возможности идентификационного выбора может быть связана не только с действием «Мы-фактора», но и с условиями, заданными социальным контекстом, характеристиками общества, в границах которого происходит процесс идентификации – «Они-фактором». Например, индийское кастовое общество уже с момента рождения человека устанавливает для его дальнейшей жизни четкие ориентиры идентификации, при которых любые попытки пересмотра оказываются предосудительными и в целом бессмысленными. Поэтому и осмыслить идентичность личности вне связи с идентичностями окружающих нельзя. Как пишет Дж. Мид, «самости могут существовать лишь в определенных отношениях к другим самостям. Нельзя провести никакой четкой грани между нашими собственными самостями и самостями других, потому что наши собственные самости существуют и вступают как таковые в наше сознание лишь постольку, поскольку также существуют и вступают в наше сознание самости других. Индивид обладает самостью лишь в отношении к самостям других членов своей социальной группы. И структура его самости выражает или отражает всеобщую

повседневную модель его социальной группы, к которой он принадлежит, точно так же, как это делает структура самости любого другого индивида, принадлежащего к этой социальной группе» [9; 128].

Наиболее явно внешние факторы вмешиваются в процессы идентификации субъектов, которым довелось жить «в эпоху перемен» или в условиях войны, когда люди самых мирных профессий и убежденные сторонники гуманистических идеалов оказываются вынужденными брать в руки оружие, чтобы отстаивать свободу своей родины, когда в любое мгновение человек может потерять всё, что ему дорого, даже жизнь, когда вчера ещё вполне успешные и состоятельные люди становятся беженцами или маргиналами. История России XX века даёт массу примеров таких «вынужденных» идентификаций. Кроме того, очевидно, что в любые времена государство может влиять на направленность идентификационного процесса своих граждан через источники информации, которые формируют когнитивный аспект идентичности: СМИ, социальные сети, систему образования, культурную политику, а также через поддержку тех или иных общественных деятелей или движений, их программ и законодательных инициатив. Впрочем, различные механизмы манипулирования общественным сознанием нередко используются и представителями тех или иных групп, в том числе и экстремистского или тоталитарного толка, что представляет явную угрозу как духовной безопасности личности, так и социальной стабильности в целом.

«Они-фактор», выражающийся в более или менее явном влиянии социального окружения на выбор личности, может не только ограничивать свободу выбора, но и, в случае тоталитарной ориентации социокультурной среды, как утверждает Э. Фромм, способствовать подмене

подлинной личности псевдоличностью, социальные идентификации которой вступают в прямое противоречие с индивидуальной основой идентификации. «Замещение, подмена подлинных актов мышления, чувства и желания, в конечном счете, ведет к подмене подлинной личности псевдоличностью, — пишет Э. Фромм. — Подлинное «я» является создателем своих психических проявлений. Псевдо-«я» лишь исполняет роль, предписанную ему со стороны, но делает это от своего имени. Человек может играть множество ролей и быть субъективно уверенным, что каждая из них — это он. На самом же деле человек разыгрывает каждую роль в соответствии со своими представлениями о том, чего от него ждут окружающие; и у многих людей, если не у большинства, подлинная личность полностью задушена псевдоличностью» [10; 253].

Часто столкновение личности и псевдоличности обнаруживается при исследовании конативного аспекта идентификации. Многочисленные примеры подобных псевдоидентификаций в настоящее время мы можем наблюдать при анализе тенденций идентификационных процессов среди населения находящейся в состоянии гражданской войны Украины. Очевидно, что эта тенденция представляет значительную угрозу для гармоничного развития духовности и отдельной личности, и всего социума, что не может не волновать гражданское общество и руководство нашей страны, пережившей в XX веке эпоху тоталитаризма и проходящей в настоящее время через серьезные испытания

как во внутрисполитической жизни, так и в глобальном контексте.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в развитии идентификационных процессов участвуют как психологические факторы, действующие, прежде всего, на уровне индивидуальной идентичности, так и социокультурные факторы, детерминирующие процесс социальной идентификации личности. Только их единство способствует продуктивному развитию личности в качестве активного творческого представителя своей социальной группы и общества в целом. Поэтому при исследовании идентичности может быть эффективным уточнение популярной в социологии методики Ж. Тоценко за счет учета аффективного, когнитивного и конативного аспектов идентификационного процесса, разработкой которых занимаются представители социальной психологии.

Только такое, целостное и непредвзятое, исследование идентичности позволяет как осмысливать современное состояние и проблемы в формировании идентичности россиян, так и способствовать обеспечению условий для защиты свободы идентификационного выбора личности, создавать благоприятные условия для деятельности в России социальных групп, демонстрирующих приверженность национальным ценностям и интересам России в духовной сфере, а также, в соответствии с российским законодательством и Стратегией национальной безопасности России до 2020 года, способствовать предотвращению негативного воздействия на жизнь россиян экстремистских и тоталитарных социальных группировок.

Примечания:

1. См. например: Erikson, E. IDENTITY youth and crisis. W.W. NORTON & COMPANY o INC New York; Freud, S. Eine Kindheitserinnerung: Leonardo da Vinci. University of California Libraries (January 1, 1919) 92 pages; Freud, S. The Future of an Illusion. Liveright publishing Corporation, 1949; Jung, C.G. Psychology and Religion. Yale University Press, 1938; James, W. Varieties of Religious Experience. New York: Modern Library, Inc. 1994; Maslow, A.H. Motivation and Personality. New York: Harper & Bros., 1954.

2. См. например: Волков Е.Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культурах // Журнал практического психолога. М.: Фолиум. 1996. № 3. С. 76–82.; Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб: Изд-во «Питер», 2000. – 448 с.; Хассен С. Освобождение от психологического насилия: деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи. – СПб: прайм-Еврознак, 2001. – 400 с.; Целикова В. В. Групповое мышление как механизм влияния на личность в деструктивном культе // Журнал практического психолога. М.: Фолиум. 1997. № 1. С. 98–101.
3. См. например: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism This revised and extended edition published by Verso, NY, 1991; Blumer H. Collective Behavior. Chapt. XIX – XXII / New Outline of the Principles of Sociology. N.Y., 1951; Cooley Ch. The Social Self // The Two Major Works of Charles H. Cooley; Human Nature and the Social Order & Social Organization. Glencoe, 1956; Mead G. Internalized Others and the Self // Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934; Tajfal H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge, Paris, 1982.
4. Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия. // Электронная библиотека Гражданское общество в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf> (дата обращения 24.08.2014)
5. У.Джемс Многообразие религиозного опыта. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/dusheropenie/James_04_05.php
6. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я / Фрейд З. Тотем и табу. М.: Олимп, 1998. С. 279–348
7. Пушкин. Стихотворение 1830 года. URL: <http://bibliotecar.ru/rusMassonstvo/154.htm>
8. Пушкин А.С. Поэту // Интернет библиотека А. Комарова [Электронный ресурс]: URL: <http://ilibrary.ru/text/713/p.1/index.html> (дата обращения 10.09.2014)
9. Мид Дж. Азия // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 122–128.
10. Fromm E. Escape from Freedom. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1941 [Russ.ed. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Мн.: Попурри, 2000. 672 p].

References:

1. See for example: Erikson, E. IDENTITY youth and crisis. W.W. NORTON & camp; COMPANY o INC New York; Freud, S. Eine Kindheitserinnerung: Leonardo da Vinci. University of California Libraries (January 1, 1919) 92 pages; Freud, S. The Future of an Illusion. Liveright Publishing Corporation, 1949; Jung, C.G. Psychology and Religion. Yale University Press, 1938; James, W. Varieties of Religious Experience. New York: Modern Library, Inc. 1994; Maslow, A.H. Motivation and Personality. New York: Harper & Bros., 1954.
2. See for example: Volkov E.N. Methods of recruitment and control of consciousness in destructive cults/The Journal of the Practical Psychologist. M.: Folium. 1996. No. 3. P. 76–82; Zimbardo F., Lyayppe M. Social influence. – SPb.: Piter Publishing house, 2000. – 448 pp.; Hassen S. Release from psychological violence: destructive cults, control of consciousness, help methods. – SPb.: prime-Evroznak, 2001. – 400 pp.; Tselikova V.V. Group thinking as the mechanism of influence on the personality in a destructive cult // The Journal of the Practical Psychologist. M.: Folium. 1997. No. 1. Page 98–101.
3. See for example: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. This revised and extended edition published by Verso, NY, 1991; Blumer H. Collective Behavior. Chapt. XIX / XXII / XXII // New Outline of the Principles of Sociology. N.Y., 1951; Cooley Ch. The Social Self // The Two Major Works of Charles H. Cooley; Human Nature and the

- Social Order & Social Organization. Glencoe, 1956; Mead G. Internalized Others and the Self//Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934; Tajfal H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge, Paris, 1982.
4. Toschenko Zh.T. Religious identity and bureaucracy.//Electronic library Civil society in Russia [An electronic resource]. URL: [http:// www.civisbook.ru/files/File / Toshenko.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf) (date of the address 24.08.2014)
 5. U. James. Multiplicity of religious experience. URL: [http:// http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/dushepopechenie/James_04_05.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/dushepopechenie/James_04_05.php)
 6. Freud S. Psychology of masses and analysis of human I / Freud S. Totem and taboo. M.: Olympus, 1998. P. 279–348.
 7. Pushkin. 1830 Poem. URL: <http://bibliotecar.ru/rusMassonstvo/154.htm>
 8. Pushkin A.S. To Poet // Internet A. Komarov's library [An electronic resource]: URL: <http://ilibrary.ru/text/713/p.1/index.html> (date of the address 10.09.2014)
 9. Mid J. Asia //American Sociological Thought: Texts / Ed. V.I. Dobrenkov. M.: MGU Publisher, 1994. P. 122–128.
 10. Fromm E. Escape from Freedom. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1941 [Russ. ed. Fromm E. Escape from freedom. The person for himself. Monograph.: Potpourri, 2000. 672 p.].